

КУЛЬТУРНЫЙ **ШОК**

КСЕНИЯ БУРЖСКАЯ
ФРАНЦИЯ
300 жалоб на Париж

Культурный шок!

Ксения Буржская
Франция. 300 жалоб на Париж

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Буржская К.

Франция. 300 жалоб на Париж / К. Буржская — «Издательство АСТ», 2019 — (Культурный шок!)

ISBN 978-5-17-117331-9

«Когда я переехала во Францию, мне везде хотелось просить жалобную книгу». Мы привыкли смотреть на переезд в Европу как на розовую мечту: вот перееду, буду сидеть в кафе на Елисейских Полях и пить кофе с круассаном!.. Но что, если реальность совсем не так радужна, как нам хотелось бы? История Ксении Буржской – это невероятно остроумная история проблем и злоключений русской за границей. Так ли хорош Париж, как мы его себе рисуем? Что ждет женщину, решившую родить во Франции? Как подключиться к французскому интернету и не умереть? И еще многие сотни уморительных жалоб на наш воображаемый Париж. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117331-9

© Буржская К., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	13
Глава четвертая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ксения Буржская
Франция
300 жалоб на Париж

Серия «Культурный шок»

© Буржская К., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Полине, которой досталось больше всего моих жалоб

Предисловие

Найди свою гавань, и все будет хорошо.
Диана Арбенина

Мне нравится Франция, нравится Марсель; нравится, что здесь улицы зимой пахнут предчувствием осени, что я знаю тут каждый закоулок, что это город-гопник, что можно пойти и съесть жирный кебаб в арабской забегаловке, который течет по пальцам, нравятся дешевые шмотки на улице Рима, которыми торгуют филиппинцы и тайцы, нравится легкий ветер с моря, нравится, что я помню... Помню: здесь пили вино и ели устриц, здесь покупали свежие багеты, в этой библиотеке (красивое название у нее – «Алказар») я искала вдохновение (и не нашла), с этой крыши самый лучший вид на жизнь, здесь мы танцевали, и красным горел закат, правда, в тот вечер я хотела другую рубашку надеть, чуть более прозрачную, но не нашла, а сейчас смотрю: вот же она висит; что на автобусной карте еще оказались поездки, что в метро мужчины одеты в длинные смятые платья, а женщины наоборот – в рваные шорты, что если пройти чуть дальше вдоль этих трамвайных путей, цены на дешевые шмотки станут еще ниже, а кебабы вкуснее; что все здесь стреляет в память, как отит в ухо, что чайки орут по утрам, а собаки вечером, что среди помоек отстроили «Лафайет», и весь он сияет рождественскими огнями; что нигде невозможно оплатить покупки картой и тем более – телефоном, что все это было нашим и останется нашим.

Нравится, что мы здесь больше не живем.

«Мы уедем» – было нашей любимой присказкой в беседах с лучшей подругой, нашим спасением. Каждый раз, когда что-нибудь нас обижало или расстраивало, мы говорили друг другу: ничего, ничего, мы обязательно уедем, и тогда... О том, что будет дальше, мы никогда не задумывались. На самом деле никто из нас не собирался уезжать.

Однажды я пошла дальше обычного: купила билет в Париж, сняла там квартиру – полтора метра с диваном и спрятанной под диваном кухней, за окошком белел Сакре-Кёр, и я – святое сердце – думала, что уеду. Я никуда тогда не уехала, точнее – отправилась в Женеву, потом в Чикаго, вернулась и помню, как замерло мое сердце, когда мы ночью садились в Москве: от ошеломляющего вида этих свернутых в паутину огней, от масштаба картины.

Тогда я поняла, что не вижу себя вне Москвы, никогда не уеду.

Ровно четыре года мы (двое взрослых и трое детей) жили во Франции. Первые полгода я думала, что мы вернемся, вторые полгода плакала от тоски, следующий год – бесилась от раздражения, а потом – честно пыталась привыкнуть. Я задавала вопросы себе и окружающим, читала книги и писала свою – пыталась понять, что же это такое – уехать и заставить себя в невесомости: кто я есть? Кто услышит меня? Когда я привыкну? Что будут помнить мои дети? Где, черт возьми, мой дом?

В книге «Триста жалоб на Париж» я исследую человека уехавшего, который, попадая в странные для себя обстоятельства, пытается себя найти. И человека вернувшегося, конечно. Как происходит привыкание к чужому и происходит ли оно вообще? Как найти «чувство дома» и нужен ли человеку «дом»? Как жить в отсутствие понятных культурных кодов, какими словами говорить с людьми, застрявшими во времени после переезда? Как найти «своих» и будут ли они «своими»? Как разговаривать с детьми, которые русские только в анамнезе? И так ли это важно вообще – оставаться русским после выхода из зеленого коридора?

В конце концов, мы вернулись в Москву – предложили классную работу. Вернулись совсем другими: теперь мне кажется, что у дома моего нет названия, и дом – понятие невероятно объемное и нечеткое, как на полотнах импрессионистов. Я одинаково уверенно чувствую

себя в Москве, в Петербурге, в аэропорту Франкфурта, в Париже, в Рейкьявике и Афинах. Жаль, но я нигде больше не чувствую себя, как турист.

Что произошло после возвращения?

Каждый день мы выходим из дома, идем в детский сад, зимой – это тихие улицы, скрипящий снег, заиндеветшие окна троллейбуса. Летом – тополиный пух, запутавшийся в волосах, пыльные дороги, запах липы после дождя, звуки далекой грозы. Если спросить у моей дочери, живет ли она в России, она скажет: «Нет, я живу в Москве». И будет права. Если спросить у меня, живу ли я дома, я скажу: «Это точно мое место. Я там, где должна быть сегодня». И пойду заказывать балконные кашпо и занавески. Главное – оставаться гедонистом. Дочь часто спрашивает, когда мы поедем в Старый Дом, в ее картине мира поехать во Францию – все равно, что на дачу к бабушке. Иногда она пытается объять величину окружающего мира и говорит: «У нас столько домов, мама, ужас, как много у нас домов». И это действительно так.

Глава первая

Просто не мое место

Когда я только переехала во Францию, мне везде хотелось просить жалобную книгу. Большую-пребольшую жалобную книгу, в которую бы я записывала все свои печали, обиды и просьбы вернуться в Москву, в свою зону комфорта. В свою любимую квартиру с большими окнами во двор и высокими потолками, в свой удобный офис на «Красном Октябре» со стеклянной крышей, к своей маникюрше по имени Кыял (в переводе «Красивый узор для ковра») и мастеру по бровям – армянке из подвального «комплекса услуг». К барам, ресторанам и паутине огней, какую видишь, только когда подлетаешь со стороны Домодедово, как стемнеет.

Я надеялась, что мне не дадут визу.

Что нам не хватит денег.

Что кому-то из нас поступит такое предложение о работе, от которого нельзя будет отказаться, а должность потребует физического присутствия. (Надо сказать, что это произошло – четыре года спустя.)

А пока... Евро вырос в два раза, но и работы стало больше. И со всей этой работой можно было справиться удаленно. Более того – некоторые проекты даже требовали моего отсутствия.

Кому-то, наверное, достаточно просто моря. Я же к морю безразлична. Но ведь и Францию я выбрала сама. После этого я тысячу раз прокляла свой выбор, но так уж получилось: мы живем именно здесь. Была такая скучная вещь в школьной программе – Плач Ярославны. Я с удовольствием принялась за этот жанр. И еще за этот: милый мой дедушка, Константин Макарыч, забери ты меня отсюда. И все такое.

«Что мы сами сделаем, то у нас и будет, так мы и будем жить».

Я жаловалась на Францию каждый день, а по ночам обнимала подушку и плакала о Москве. О кошке, которую я бросила (предчувствую возмущение общественности, поэтому уточню: с кошкой все в порядке, кошка осталась дома, поначалу ей прислуживали разные взрослые люди, почти не мешали ей и вовремя подавали корм, затем она и вовсе переехала в загородный дом в Петербурге), о театральных премьерах, которые пропускаю, о вечеринках, на которые я и так не ходила.

Огромная иллюзия того, что ты можешь куда-то пойти каждый вечер, даже если ты так никуда и не идешь, оказывается очень важной – запомните это, когда будете уезжать. Вам будет почему-то не хватать именно этой воображаемой жизни: да, я снова никуда не пошла, но ведь могла бы!

В Марселе ходить некуда, хотя и тут меня однажды поймали на лжи. Когда я посетовала одной владелице дома досуга и сомнительных развлечений, что в Марселе отсутствует культурная жизнь, та спросила: а в кабачке на старом заводе вы были? А на завтраке для знакомств? А на выставке фотографий мусора? «Вот, – сказала она. – Понимаете, в Марселе всего три события, но вы не были даже на них».

Мне не нравились люди, погода, сервис, правила жизни, что все они смотрят на меня с презрением или, наоборот, – улыбаются, что они пытаются со мной заговорить или не хотят разговаривать, что все задают мне идиотские вопросы, а нужные не задают, что врачи выписывают плацебо, вместо того чтобы прописать гору таблеток и тонну анализов, что здесь то холодно, то жарко, то дорого, то невкусно, то грязно, то тесно. Я не знаю, что из этого объективно, а что нет, потому что (и теперь я это точно знаю, по крайней мере, точнее, чем до переезда) реальное положение дел совершенно не связано с тем, что чувствуешь по этому поводу. Это просто не мое место. И поэтому все мне здесь совершенно не так.

Вернемся на четыре года назад.

Температура воздуха сегодня – плюс 21.

Ветер юго-западный мистраль – 30 км/ч. Он неприятный: в лицо летят песок, листья, мусор и мелкие камни. Ощущается как плюс 16.

Франция – замечательная страна. Это скорее всего.

Париж – такой город, который обычно все любят. Поэтому я вынесла его в название. И не переживайте, я до него доберусь. Еще любят Венецию, Нью-Йорк, Сан-Франциско и Берлин. Еще Стамбул. Еще Барселону. Еще Лондон. Марсель любят не всегда, как и Москву, но вам придется его полюбить. Должен же хоть кто-то?

Вообще, я бы хотела рассказать об эмиграции как о положительном опыте взросления и расширения границ, несмотря на то что я его ощущаю как отрицательный. Ощущаю его как жалобу. Нет, как триста жалоб.

И самая главная из них – я не дома. Я больше не знаю, где дом.

Меня часто спрашивают, почему именно Франция?

Было так: мы собирались куда-нибудь уехать. Кое-кто настаивал на море, а я хотела во Францию. Не знаю, почему я хотела именно туда – я была слепа. Все потому, что Франция – из детства. Быть ученицей французской школы, ездить по обмену в Париж, летать в гости к подружкам – не значит понимать, что такое жить во Франции. Жить не в России – если точнее. Я и не понимала. Мне казалось, что если и переезжать, то в какое-то значительное место – с великой мировой культурой, с серьезными именами в истории, с языком, на котором мы художественно говорим. Точнее, только я. Не знаю, почему я была так самонадеянна, но при выборе страны мы чуть было не разошлись. В выборах участвовали три варианта: Амстердам, Барселона и Франция. Понятие «Франция» включало в себя что-то приморское, мы сразу договорились, что не Париж, дальнейшая география зависела от школы, в которую пойдут дети.

Тут начались горячие споры. Я говорила, что Испания – это несерьезно. К тому же никто не говорит по-испански. К тому же вино... Ну какое в Испании вино? Если иметь в виду Шабли или Шато Марго.

Я говорила, что ехать в Амстердам с детьми – безумие. К тому же там холодно, и море, подобное тому, что в Амстердаме, мы уже видали в Петербурге, откуда мы родом.

Я говорила, что Франция – и только Франция.

Школу мы обнаружили в Провансе. Прованс – это хорошо. Лаванда, вино, море и горы. Желтые дома в густом летнем воздухе, медовый ветер тревожит волосы, белый песок обнимает ступни. Собачье дерьмо лежит тоннами под ногами. Мусор вплетается в косы, квартиры никто не торопится нам сдавать, и вообще никто никогда ни зачем не торопится, а чайки срут на лицо.

Вот я думаю, а не лучше ли было бы в Барселоне?

И еще несколько слов про собственно Париж: в детстве я приезжала туда по обмену. Кроме восхитительных овощных лавок, которые со скрежетом поднимались каждое утро в шесть, потрясающих салатных листьев в душистом масле пятьдесят на пятьдесят с горчицей, клубке разноцветных ниток метро там было грязно, мокро, холодно, кормили невкусными сэндвичами с тушеными артишоками, а квартиры были настолько маленькими, что в некоторых из них даже не помещался туалет: его заменяла дырка в полу в общем коридоре. Французские школьники учили нас ругаться матом и воровать косметику в галерее «Лафайет» (красные тени и синие подводки для глаз), афрофранцузы на каждом шагу пытались обмануть нас и впихнуть десять железных брелоков с Эйфелевой башней, а в школе, где мы учились, у меня сперли плеер. В нем была кассета группы «Кино», остановленная на песне «Мама, мы все сошли с ума», – помню как сейчас. И почему же это все равно ничему меня не научило? Не напомнило мне ни о чем?

Детство – когда все прощаешь. И все кажется лучше, чем есть.

Париж – наверное, хороший город. Но я буду жаловаться. Например, в мой последний туда визит я сорок минут искала выход из аэропорта, потом камеру хранения на вокзале, и ни

одного указателя, блин! И в музей я не попала, потому что на улице происходила опять какая-то манифестация. И рейс, как обычно, задержали. Да как это возможно вообще? Ужас какой. Дайте жалобную книгу.

Глава вторая

Нас знают в лесу

Первым человеком, который встретился нам в эмиграции, оказался Седрик. Седрик был молод, зализан, арабист и владел махонькой квартиркой в самом центре пряничного города Экс-ан-Прованс, который считается столицей региона. В Эксе все было чистенько и дорого, центральный бульвар простирался метров на 500, июльская жара плавila его карусельки и бутики, а мы решили, что жить будем здесь, чтобы не в Марселе. Мы сняли у Седрика его шкаф на неделю, уверенные, что за этот короткий срок с легкостью найдем квартиру. Мы еще не знали, что в Эксе нет никаких квартир, а если и есть, то они в аварийном состоянии, что никто не ждет нас и квартиру сдавать нам не хочет, что я беременная и меня постоянно будет от всего этого тошнить.

Квартира Седрика имела два уровня: гостиная+прихожая+кухня и полка над всем этим, на которой следовало спать. Кухня располагалась в нише за занавесочкой в гостиной, и все пространство занимало метров десять. В первый же вечер мне навстречу выпал засушенный южный таракан размером со слона, я визжала от ужаса и духоты и обзванивала один за другим телефонные номера агентств и квартирных хозяев. Чаще всего мне отказывали с первого слова, иногда со второго, когда узнавали, что у меня нет годового контракта с французской фирмой. К этому моменту мои руки уже были опущены наполовину, стакан значительно опустел и я ненавидела это лето.

По одному-единственному телефону нас согласились принять: на том конце была бабушка Кристина, которая сказала, что мы первые за все лето хотим посмотреть этот дом, поэтому они нас ждут, но пешком мы до них никак не доберемся. Машину мы арендовали и поехали: Экс остался позади, а мы выбрались на шоссе. И замелькали карельские сосны.

Дом оказался огромным. Абсолютно провансальский – рыжий, плиточный, черепичный, с бассейном и кучей ненужных вещей вроде площадки для петанка и тенистого патио внутри дома, он помещался в густом запахе сосен и сладких цветов, ветер в платанах шумел, как море, но никакого моря рядом не было. Хозяин дома – атомный физик с чешской фамилией – налил нам ледяного пастиса, а его жена – писатель-фантаст Кристина – рассказывала, как они ездили в Петербург и Москву и какое это было большое хорошее впечатление.

Тогда я вывела форму адекватности француза (за других европейцев не скажу): если человек был в Петербурге или в Москве, то он адекватен и свободен от предрассудков. Если не был – бегите быстрее прочь. Вот уже три года это правило ни разу меня не подвело. Большинство жителей Франции никогда не выезжали за пределы не то что Евросоюза, но даже самой Франции и ее колоний, что накладывает огромный отпечаток на их сознание и понимание мира.

В общем, дом нам сдали в тот же день. Бабушка Кристина и ее муж уехали зимовать в Африку, а мы остались в огромном доме в лесу, с пауками, сверчками и гусеницами, немногими странными соседями и утренней росой. Ближайший продуктовый – 6 км до соседней деревни. Ближайший город – пряничный Экс. Ближайший сосед – сумасшедший.

Помните эту притчу Клариссы Эстес? Я чувствовала себя примерно так.

«Если никогда не пойдешь в лес, с тобой никогда ничего не случится и твоя жизнь так и не начнется.

– Не ходи в лес, не выходи из дома, – говорили они.

– Почему? Почему бы мне нынче вечером не пойти в лес? – недоумевала она.

– Там живет большой волк, он ест людей вроде тебя. Не ходи в лес, не выходи из дома.

Мы серьезно говорим.

Разумеется, она пошла. Она все равно ушла в лес и конечно же встретила волка, как они и предупреждали.

– Вот видишь, мы тебе говорили! – верещали они.

– Это моя жизнь, а не сказка, глупые вы люди, – сказала она. – Я должна ходить в лес, я должна встречать волка, а иначе моя жизнь так никогда и не начнется».

Я пошла в лес, и моя жизнь началась.

Следующие две недели я должна была провести одна, пока остальные члены семьи готовились в Москве к переезду и отправляли «Почтой России» 18 коробок красивых вещей и книг, без которых жизнь в эмиграции не представлялась возможной. Я покинула конуру Седрика и переехала в отель на улице Прадо в Марселе, чтобы провести «отпуск у моря». Из отеля все две недели я почти не выходила. Марсель ужасно пугал меня нищими и бомжами, марокканцами в белых сари и футбольными фанатами, жарой и сложными запахами невымытых улиц. Меня всё время тошнило, и я уже ненавидела готовую еду из супермаркетов.

Седрик тем временем оставил отзыв о нашем пребывании в его шкафу на Airbnb. «Эти грязные дамы, – писал Седрик, – даже не помыли за собой кофеварку. Я никому не советую сдавать им квартиру».

Но грязные дамы уже получили дом.

Глава третья

Шпроты и доставленные неудобства

Жизнь в лесу – удивительная. Ты открываешь глаза и видишь перед собой кузнечика. Он сидит на подушке и смотрит своими огромными усами. Первым делом хочется подскочить и завизжать, но визг с чердака опережает меня. В чердачной комнате живет наша старшая дочка, и она боится пауков.

– УБЕРИУБЕРИУБЕРИ, – кричит она, и я поднимаюсь по лестнице с листочком бумаги, чтобы выкинуть паука в окно на ковре-самолете.

К завтраку приходит одноглазая кошка по имени Эсмеральда. Пятна у нее на спине, как у коровы, но ловка она, как леопард. Эсмеральда подпрыгивает и делает вис правой лапой на ручке стеклянной двери в сад.

– ДАЙДАЙДАЙ, – кричит Эсмеральда, пока я не выброшу ей кусок сыра или колбасы. Твердые сыры она предпочитает голубым сырам с плесенью, а вареные колбасы – копченым сухим. Вкусы у нас с Эсмеральдой не совпадают.

После трапезы я отправляюсь к почтовому ящику, который врезан в скалу. Триста метров по губке влажного мха и песчаной тропинке, нервные ящерицы выпрыгивают из-под ног. На почтовом ящике объявление: Дорогие соседи, завтра в 20.00 вечеринка! И еще какая-то ненужная информация.

Я возвращаюсь в дом и радостно сообщаю всем, что завтра мы идем в гости. Ура-ура, я пришла в лес, и моя жизнь началась.

Вечером к нам заходит сосед. Соседей у нас всего трое: сосед, который громко трахается, сосед, который курит траву, и сосед, у которого четыре спаниеля. Словом, со всеми повезло. Заходит тот, у которого все хорошо с сексуальной жизнью. В его доме есть большой светлый кабинет с видом на сосны, в котором никогда никто не работает. Солнце светит в опрятный дубовый стол, и ветки ложатся тенями на книжные полки.

Весь с иголки: в красных шортах, футболке-поло и белых кедах, сосед, которого зовут Давид, говорит:

– Здравствуйте, завтра у меня в саду будет вечеринка. Будет живая музыка, гитара, певец, диджей.

– Да, я видела объявление, – говорю.

Он улыбается, я тоже улыбаюсь, бессмысленный карманный терьер Давида пляшет у моей левой ноги.

– Начало в 20.00, приходите обязательно, – говорит Давид, точнее, мне кажется, что он говорит именно это, поэтому я спрашиваю:

– А что с собой принести? Вино? Водку?

Давид немного удивляется и говорит (точнее, мне кажется, что он говорит именно это):

– Спасибо, ничего не нужно, все есть.

На следующий день мы тщательно готовимся к вечеринке всей деревней или, правильнее сказать, – поселением. Давид расставляет колонки и столы, а мы наряжаемся. Надеваем все самое лучшее на себя и детей, гладим рубашки, решаем, что с пустыми руками идти нехорошо, и достаем из заначки эмигранта шпроты.

Теперь все готово. Без одной минуты восемь мы появляемся в саду Давида. Появляемся частями: мы со шпротами влетаем, а сын перепрыгивает в бабочке через забор и кричит ХЭЛОХЭЛОХЭЛО! Так чтобы не заметить нас было нельзя.

Редкие гости вечеринки, которые уже подошли к этому часу, стоят у столов с аперо: орешки, бутербродики с фуагра и вино. Мы знакомимся с гостями, целуемся с каждым по два

раза, и все почему-то нас спрашивают, с какой мы стороны: со стороны Давида или со стороны Эвелин? Кто такая Эвелин, мы не знаем, поэтому машем рукой в сторону дома и говорим, что мы ближайшие соседи Давида, практически родственники.

Эвелин появляется через полчаса, в зеленом вечернем платье и на каблуках с пятиэтажный дом, она смотрит на нас настороженно и как-то удивленно, улыбается криво и двумя пальчиками подцепляет банку со шпротами, чтобы отнести на кухню. Бессмысленный терьер прыгает вокруг ее ног.

Все вдруг поднимают бокалы и кричат «с днем рождения», и я спрашиваю у ближайшего гостя:

– Как девчушку-то назвали?

Точнее, я спрашиваю: а у кого день рождения-то?

И он отвечает:

– Раиса Захаровна.

Точнее, говорит: так у Эвелин...

– Ничего себе, – говорю.

И спрашиваю у другого гостя: а что, во Франции принято всех соседей на день рождения приглашать?

Спрашиваю, а сама уже считаю в уме, во сколько такая вечеринка обойдется, если мы всех на свои дни рождения позовем.

– Вообще нет, – говорит этот гость. – Не принято.

Тут я вспоминаю кислое лицо Эвелин. Особенно когда она вошла, а ей начали нас представлять и кричать: водка, Путин, икра, в общем, как обычно, но она почему-то не обрадовалась.

Что-то у меня не сходится, и я (играет живая гитара, ударные и диджей, Давид стоит у бассейна с микрофоном и поет песню из репертуара Стаса Михайлова или вроде того) иду по тропинке к ящикам. В темноте мне мерещатся волки и лисицы, змеи и, например, еноты, поэтому я подсвечиваю себе лес фонариком телефона. Точки ночных бабочек мечутся в белом луче. Я снимаю объявление Давида, фотографирую его и отправляю сестре в Лион.

– Что здесь написано? – спрашиваю я.

Во дворе Давида уже началась дискотека, принесли шампанское и горячее – рыбные и мясные шашлычки.

– Здесь написано: «Дорогие соседи, завтра у меня будет вечеринка по случаю дня рождения моей девушки. Будет живая музыка, поэтому может быть громко. Заранее простите за доставленные неудобства», – отвечает сестра.

И спрашивает:

– А что?

Глава четвертая

Брюки для птиц Хичкока

Итак, мы жили в лесу. Каждый день в шесть утра мы по очереди садились в «ситроен» кабриолет 1999 года, который нам продал Эммануэль, владелец гаража с развалюхами, похожий на Пьера Ришара, и везли детей в соседнюю деревню – к остановке школьного автобуса. Там же покупали багет и молоко и возвращались в свой лес работать. Дорогу между двумя виноградниками перебегали зайцы и кабаны, и была она настолько узкой, что две машины, которые ехали здесь навстречу друг другу, должны были попеременно уступать, едва не заваливаясь в кювет.

В лесу было тихо и солнечно. Я заняла для работы странную комнату два на два метра с высокой барной стойкой и железным стулом для пыток, с маленьким окошком и висящей над всем этим узенькой библиотекой. Под барной стойкой жили столетние пауки, изредка выползающие на своих невидимых лапах на божий свет.

Соседей, как я уже говорила, у нас было даже меньше, чем пауков, – намного меньше. Ближайших звали Давид и... Давид. Мальчик и еще мальчик. Первый Давид был весельчак и мачо, и мы уже давеча посетили его вечеринку. Второй Давид был мрачный коротышка с детским лицом, безвольным пузом и белыми кудрявыми волосами. Этот был странным: каждую ночь в четыре утра он вставал, открывал машину аккуратно под окнами нашей спальни и чем-то шуршал. Иногда он что-то крушил у себя под горой и кричал. Я думала, у него жена или несколько жен, которых он душит в подвалах, привязывая к бочке с вином, как Синяя борода, я прислушивалась к его крикам, но ничего в них не понимала. Иногда над нами обоими всходила луна и холодно смотрела на все это, словно прожектор на стадионе. Я просыпалась и ждала, что однажды он вынесет черные мусорные пакеты и закинет их в багажник, но реальность готовила мне совсем другое кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.